

В ТЕПЛЫХ ЛУЧАХ

Я возвращался из больницы, где лежала моя жена.

Главный вход уже закрыли — никого из врачей или запоздалых посетителей не было видно ни в коридоре, ни на черной лестнице, и только на улице у больничных ворот умиротворенно дремали две крупные собаки. Я вышел за ворота и остановился. В теплом воздухе пахло еловой смолой, и оттого тревога моя как будто ушла вглубь, постепенно поддаваясь ласковому спокойствию летнего вечера. На пяточке у остановки стояли люди, ожидая последнего автобуса в город.

Первый раз мы приехали сюда вчера утром, и вокруг все было совсем не таким, как сейчас. Повсюду сновали люди, подъезжали машины, лихо шурша колесами по гравию. К главному входу тянулась длинная очередь, и мы встали в конец, нетерпеливо оглядываясь, будто надеясь, что нам можно пройти просто так. Жена молчала, машинально разглядывая свою фотографию в паспорте, который ей нужно было сейчас предъявить охраннику.

Подошли к проходной. Охранник медленно записал наши данные в толстую тетрадь и коротко объяснил, как пройти, но мы слушали рассеянно и долго еще потом плугали в поисках входа в нужное отделение. Жена не мешала мне разбираться в больничных закоулках, но и не пыталась помочь, а просто ходила следом. Я заметил, что ей неуютно было в этих длинных мраморных коридорах. Я же, напротив, радовался, что смог уговорить ее оперироваться в дорогой больнице, и обращал внимание на каждую мелочь — на огромный мягкий диван у входа в отделение, на просторный холл с телевизором, на чистоту стен и полов.

Когда мы вошли в палату, там никого не было. Воздух, спертый от жары, казался тяжелым и неподвижным. Я распахнул окно и удивился, какой плотной зеленой стеной окружал больницу лес.

— Смотри, как здесь красиво... Можно представить, что тебя украли и насильно хотят выдать замуж, — неловко пошутил я.

А она взглянула на меня внимательно и хмуро, так, что мы оба почувствовали, что вчерашняя ссора не закончилась и не забылась.

Я тяжело вздохнул и остался у окна, рассматривая уходившую вдаль полосу леса, пересекаемую высотными зданиями начинавшегося на горизонте города. Я злился на то, что она еще обижается, хотя прошла уже ночь и можно было бы успокоиться за это время, а она злилась оттого, что я мог

подумать, что у нее все могло пройти, будто ее обида была чем-то неважным...

Въехал на пяточок автобус, принялся неловко разворачиваться, не уместаясь своим неуклюжим железным телом на маленьком пространстве и потому то отъезжая назад, то подаваясь вперед. Люди обступили его, а потом спешили войти внутрь, чтобы занять места. Я машинально подчинился их напору, не ощущая общей торопливости и только чувствуя сковывающую тело усталость. В голове носились обрывки случайных фраз, ее слов, обращенных ко мне, но голос отчего-то был неласковым и даже раздраженным.

Я вспомнил, как вечером, перед тем как лечь в больницу, мы вернулись домой. В квартире было душно, потому что, уходя, я забыл открыть окно. Жена молча снимала туфли с усталых ног, стараясь не встречаться со мной взглядом. За несколько месяцев нашей семейной жизни я, кажется, научился чувствовать ее состояние. Я знал: что-то гложет ее сейчас, какое-то эмоциональное движение нарастает внутри, готовясь вылиться наружу, но не мог ничего изменить.

В такие часы мы делали по дому больше, чем иной раз за неделю. Жена начинала размеренно протирать туфли влажной тряпкой, а потом намазывала их черным смолистым кремом, я же шел на кухню и убирал оставшуюся после завтрака посуду со стола. Я не знал, нужно ли греть ужин, и боялся спросить ее об этом, и потому, помыв посуду, просто стоял посреди кухни, опершись на раковину и чего-то ожидая.

Когда я вернулся в комнату, жена уже легла. Я облегченно вздохнул и сел за письменный стол, пытаюсь хоть немного поработать, но все-таки чувствовал, что она не спит, хотя и не подходил к кровати, убеждая себя, что ей нужно выспаться перед завтрашней поездкой в больницу. Вдруг я услышал, что она плачет. Торопливо поднялся и присел рядом, пытаюсь обнять, но жена отстранялась, будто мои прикосновения обжигали ее.

— Ну почему? Что происходит? — спрашивал я. — Скажи мне, ведь я всегда готов помочь.

Но она не отвечала и только вздрагивала своим хрупким телом при каждом всхлипе. Наконец, будто собравшись с силами, повернула ко мне заплаканное лицо и выговорила с ожесточением:

— Я всегда буду у тебя на втором месте... Я уже ненавижу твою литературу, — и отвернулась опять.

Это было несправедливо, я хотел возразить ей, переубедить, но едва я начинал что-то говорить, голос мой становился слабым, а фразы казались ненастоящими.

— Все будет хорошо, — только и мог сказать я. — Это та-кой период, его нужно пережить...

— Не будет хорошо, — возразила она резко, лишь немно-го отнимая лицо от подушки. — Зачем ты врешь?! Разве ты не видишь, что с каждым днем становится только хуже?

До того, как мы начали встречаться, она полгода была влюблена в меня. Я же мечтал о сосредоточенной писатель-ской жизни, которая ждала меня впереди, и совсем не за-мечал ее рядом. И теперь я понимал, что эти обидчивость и мнительность связаны именно с тем периодом безответ-ной любви, но не знал, что же мне делать. Мне казалось — сейчас-то я рядом, что же еще нужно, и разве не видно, как сильна моя любовь... Меня раздражали ее легкомысленные слова о том, что у нас все плохо, как будто она радовалась, что это так, или просто искала повод расстаться. Еще я злился на то, что она совсем не думает о том, что завтра нам рано вставать, ехать в больницу, а мне потом еще и на рабо-ту на другой конец города... Но нет, ей важны были только свои переживания! Так мы и лежали, она — отвернувшись, я — борясь с собственным раздражением.

Автобус повернул, размашисто вильнув тяжелым телом, так что я мгновенно оказался на солнечной стороне. И от ярких красных лучей, хлынувших в меня, вдруг так горько стало, что мы, как два расстроенных инструмента, никак не можем найти ту ноту, на которой сошлись бы наши голоса. И почему я в тот вечер поддался эмоциям, а не успокоил ее, думал я с досадой...

Следующий день прошел бестолково, в заботах и суете, я позвонил ей только после работы. Прижимая телефон к уху, стоял перед огромным раскаленным шоссе, по которому то и дело проносились пышущие жаром машины — было плохо слышно, и оттого ее голос казался особенно слабым. Вроде бы она просила меня не ездить к ней, не мотаться. А я только вздыхал в ответ на ее беззащитную гордость, на желание показаться сильнее, как будто она могла вот так вот легко обойтись без моего присутствия в этот важный вечер перед операцией.

Когда я приехал в больницу, жена находилась в палате. Она только что перетерпела долгую и неприятную процеду-ру и теперь была в приподнятом настроении, оттого что на сегодня уже все закончилось. Мы сели рядом и стали рас-сматривать причудливые следы от зеленки на полу.

На другой стороне просторной палаты лежала большая кражистая бабушка с громким грудным голосом. Она сра-зу же заговорила со мной, будто бы продолжая давно нача-тую беседу, а потом принялась предлагать яблоки из свое-го сада. Кажется, нам с женой приятна была ее суетливая разговорчивость — легко было кивать или отвечать что-то простое, для чего не нужно было старательно подбирать слова. Бабушка оказалась очень набожной: вокруг ее кро-вати стояло множество икон, которые она привезла с собой из дома. Иконы громоздились на тумбе, закрывая баночки с лекарствами и мешочки с яблоками, но не умещались там и потому расходились по спинке кровати в одну сторону и

по подоконнику в другую. Потом жена рассказала мне, что у бабушки недавно умер сын, и теперь она часто упоминала о нем без причины.

И все-таки нам хотелось побыть вдвоем, и потому через некоторое время мы вышли в коридор. Там от окна до окна ходил мягкий прохладный ветер, приятно щеко-тавший лицо и руки. Но, даже оставшись одни, мы не стали разго-варивать, а молча сели на огромный мягкий диван на входе в отделение и замерли, ощущая тепло друг друга. Ссора еще чувствовалась между нами, но уже не обидой или раздраже-нием, а едва заметным отдалением, будто что-то внутри не давало нам быть полностью открытыми между собой.

Потом осторожно мы стали заговаривать о чем-то не-значительном: то о прошедшей мимо нас доброй пожилой медсестре, которая приветливым обхождением помогала многим больным легче переносить процедуры, то о забав-ном случае на моей работе — как бы пробуя на вкус ту или иную тему. А на прощание жена сказала, что скучает и хочет домой, и я обрадовался, что наша старенькая съемная квар-тира, которую она всегда называла чужой, теперь уже как будто стала для нее родным местом.

Ее слова грели меня весь вечер, неожиданно воспомина-ясь и волнуя сердце. А когда я вернулся домой, в ту самую нашу квартиру, мне почему-то показалось, что жена здесь, спит на кровати, а может, даже плачет, как прошлой ночью. Но в квартире было пусто и одиноко. Я слонялся из комна-ты на кухню и обратно, потом сел за стол и вдруг почувство-вал, как сильно виноват перед ней.

Она выносила нашу любовь как ребенка, мучаясь, растя в себе маленький огонек — самое важное, что у нее было тогда в жизни. Когда мы уже стали встречаться, она иногда рассказывала мне, как тяжело ей было хранить его в себе, уже не надеясь на взаимность. Я кивал в ответ, жалея ее, но не ощущал эти слова кожей: они проходили сквозь меня, не задевая. Ко мне ведь чувство пришло неожиданной вспыш-кой, пронзительной радостью ощутить любящего человека рядом, и я беспечно отдавался этой радости, эгоистически наслаждаясь ею. И даже после свадьбы я почти не думал о нас, а больше о литературе — мне жадно хотелось писать, а жена все эти месяцы жила со мной, не чувствуя меня рядом; ждала отклика, но не могла получить его.

Я поднялся и медленно лег на кровать, но не мог спра-виться с нахлынувшим чувством вины. Я представлял, как она плачет здесь одна, отчаянно надеясь, что я подойду и скажу что-то такое, отчего она мгновенно поверит в иск-ренность моей любви, но я только раздражаюсь от этих слез и принимаюсь бессильно успокаивать ее дежурными фразами, от которых становится только тяжелее...

Следующим утром я проснулся в сильной тревоге. Я ле-жал, пытаюсь успокоиться, собрать растрепанные мысли, но с каждой минутой все яснее ощущал, что жене предстоит сегодня настоящая операция, что это будет общий наркоз. И почему же я не боялся этого раньше? Я столько пере-живал о наших отношениях, о ссоре и даже не подумал о

возможной опасности. А жена волновалась, я только теперь понимал, как сильно она волновалась, но не хотела показывать мне этого.

Она обещала позвонить перед тем, как ее повезут в операционную, но мой телефон молчал, и после обеда я сам набрал ее номер. Абонент был недоступен. Я понял, что операция уже идет, а она просто забыла или не успела позвонить, но равнодушные механические слова в трубке все равно отзывались во мне мучительным холодом. И страшно было, что я сегодня не услышал ее голос, не сказал что-то важное, что могло бы успокоить ее, дать сил.

И весь сегодняшний день мне казалось, что воздух вокруг натянут и может порваться в любой момент, а исход операции зависит от одного моего слова, неосторожного движения. Я сидел на работе, а из другой комнаты вдруг вышла незнакомая женщина и, громко хлопнув дверью, выговорила со злостью: «Какие же здесь все идиоты...» Все содрогнулось во мне от этих грубых слов, будто пленка задрожала, готовясь порваться. А ведь именно в этот день она была особенно тонка, и потому в мире должно было быть как можно меньше злости.

А потом я сидел неподвижно, закрыв глаза, чтобы успокоиться, и слушал, как в соседней комнате работает радио. Диктор громко и проникновенно говорил об известных актерах и актрисах, которые жили театром, и творчество было так важно для них, так постыдно-возвышено и оторвано от жизни. Но как же чуждо и нелепо это звучало в тревожном ожидании этого дня!

Телефон по-прежнему молчал, и я ничего не знал о ней до тех пор, пока вечером не приехал в больницу. Я торопливо двигался по запутанным коридорам, а сердце сжималось от страха. Наконец я побежал, втиснулся в грузный лифт, ощущая его мучительную медленность. И вот мелькнули передо мной тот диван, где мы сидели вчера, холл с телевизором, пост дежурной медсестры и сама медсестра где-то в глубине ординаторской. Я хотел окликнуть ее, спросить о главном, но не знал, как именно выразить свой вопрос. Голос не слушался, и я только бессильно стоял, опершись на стол, глотая ртом воздух, а потом рванул в палату.

На кровати, укрытая простыней до подбородка, лежала моя жена. Я подскочил к ней и вдруг увидел, как простыня на груди вздрогнула от вдоха. А потом, видимо, услышав мои громкие шаги, жена открыла глаза и медленно, едва заметно улыбнулась.

— Прости, я не позвонила тебе, — сказала тихим виноватым голосом.

Я замер от внезапной нежности и только дотронулся до маленького кровавого пятнышка на ее простыне.

— Все хорошо? — спросил ласково.

— Хорошо, хорошо, — услышал грудной голос сзади, и, обернувшись, увидел ее соседку — набожную бабушку. — Врач сказал, удачно прошла операция. Она молодец.

— Знаю, — зачем-то сказал я, опять глядя на жену.

Она еще не до конца отошла от наркоза, ей тяжело было

говорить, и потому я старался не давать ей сказать ни слова, но и сам не мог произнести ничего особенного. Осторожно осмотрел ее рану, пропитанные пахучей мазью бинты, укрыл теплым одеялом, старательно загибая края, чтобы внутрь не проник случайный ветерок. Сел на краешек кровати.

Она кивала — иди, опоздаешь, поздно приедешь домой, а я только грустно улыбался. На тумбочке случайно заметил маленькую малиновую заколку, и так приятно стало, что в этой чужой обстановке рядом с ней лежит знакомая вещь.

Близилось время последнего автобуса, а я все еще сидел рядом, наклоняясь к подушке, касаясь ее волосами, слыша близкое дыхание. Бабушка на соседней кровати как-то особенно громко завозилась, а потом вдруг отчетливо и монотонно стала читать молитву о своем умершем сыне. Мы замерли, боясь помешать ей. Стало так спокойно и торжественно — и мы, и наша любовь, и эти тяжелые слова, будто дыхание Бога рядом. И, кажется, мы оба почувствовали вдруг, как много значит этот долгий момент в нашей короткой, как одно грудное слово молитвы, жизни.

А когда бабушка закончила, я все-таки собрался уходить.

— Спасибо, что пришел, — сказала жена на прощанье, и у меня сердце сжалось от ее беззащитности — разве я мог не прийти. Но я только улыбнулся, спокойно и нежно:

— Спасибо, что разрешила прийти, — и увидел, как постепенно теплеют ее глаза.

А потом в автобусе, прислоняясь к мелко дрожавшему стеклу, я смотрел вокруг, и на душе было светлее оттого, что на всем этом грубом и грустном мире будто бы запечатлелась ее последняя теплая улыбка. За окном по кромке леса на горизонте, по верхним окнам домов разливался горячий закат. Постепенно он спускался все ниже, пока, наконец, не заполнил даже асфальт под колесами автобуса, проникая внутрь, под сидения, под ноги стоявшим людям. Я чувствовал, как он наполняет и меня, и все ссоры, тонкости отношений, непонимание — все тонуло в нем, но в тоже время что-то важное, чего я сам еще не понимал, как бы скрепляло нас друг с другом...

Раньше я думал, что в любви все должно быть идеально, что нужно искать человека, который полностью подходил бы тебе, ведь любовь должна быть один раз на долгую жизнь. Я знал, как важно, чтобы у людей совпадали мнения по многим вопросам, чтобы правильно могли соединиться все человеческие качества. Но разве так мы выбирали друг друга? Нет, и у нее, и у меня это было, по большому счету, внезапное влечение, совершенно не укорененное в душе. И теперь я уже понимал, как случайно было наше соединение, как много есть в нас таких шероховатостей, которые никогда не лягут гладко, не притрутся — того, что ни один из нас не сможет полюбить в другом, самое большее — привыкнуть. Но, даже зная об этом, чувствуя это так неотвратимо, разве можно было помыслить о ком-то другом рядом? В этом огромном всепоглощающем закате такой ничтожно короткой казалась собственная жизнь, что невозможно

было ничего в ней менять и ничего другого выбирать. Моя жизнь не готовилась, как мне казалось раньше, она уже шла, и это была теперь не моя, а наша жизнь... Тополиная пушинка попала на стекло и трепетала, прилепившись к черной резиновой окантовке автобусного окна.

Я думал, как же мне сделать ее счастливой, как нам встать лицом к лицу — увидеть что-то самое важное друг в друге. Как преодолеть себя, стать чем-то большим, чем просто самолюбивым человеком со своими узкими убеждениями и предпочтениями. И так хотелось назад, еще раз увидеть ее, прижаться щекой к маленьким бледным рукам и говорить что-то очень важное, чего я, может, никогда еще не говорил, но я только жмурился от неожиданного чувства и усталости.

Жена моя... как странно происходит, вдруг шелуха жизни спадает и все проясняется. И тогда остальное: и литература, мертвая, безжизненная, призрак без костей, пластмасса, и собственные желания, и мелкие обиды — все становится неважным. И как будто море жизни открывается впереди, и только двигаться по нему куда-то за горизонт, где начинается что-то новое, счастливое и радостное...

У МОРЯ

Молодая пара, приехавшая в Крым в свадебное путешествие, ждала маршрутку из Севастополя в Ялту, где должна была провести две недели. Молодожены были знакомы всего полгода, и еще не успели привыкнуть ни друг к другу, ни к своему новому неожиданному состоянию, и потому каждое ласковое прикосновение значило для них слишком много. В ясном накаленном воздухе, как на яркой фотографии, виднелись и громоздкое здание вокзала, и непривычные разлапистые южные деревья.

Оля была в особенном восторженном настроении все последние дни. Ей казалось, что теперь, после свадьбы, жизнь станет совсем другой, ей представлялось что-то возвышенное, но твердое и важное одновременно. Маленькие дети умиляли ее, и при виде каждого она начинала теребить Максима, будто сама была ребенком. Ей нравилось, что и он, обычно сдержанный и серьезный, постепенно проникался ее радостью, а сегодня утром сам указал ей на детскую коляску, и, смягчая свой колючий голос, как-то тихо и нежно произнес: «Смотри, девочка».

Они стояли на остановке, немного поодаль друг от друга, потому что сильно пекло и не хотелось чувствовать жар другого тела. Оля устала. Целый день они ходили по Севастополю. Максим заранее продумал для них маршрут, так что они смогли осмотреть все главные достопримечательности, и она была благодарна ему за это. Приятно было, что теперь именно он должен продумывать и решать, куда им идти и что делать. Но все-таки ей уже хотелось скорее

быть в маршрутку, чтобы немного побыть одной, углубиться в свои переживания и до конца разобраться в них.

В маршрутке пахло бензином. Оля наклонила голову к стеклу, и чувствовала его нервное дрожание. Максим сидел рядом и иногда поглядывал на нее, будто желая убедить, что его жена здесь, с ним. Люди вокруг, наклоняя головы, терпели жару. А на задних сиденьях трое молодых парней громко и безобразно матерились пьяными голосами.

Оле было неудобно из-за них, как будто легкое беспокойство не давало погрузиться в свои мысли целиком, но постепенно мечтательная дремота охватила ее. Разве имело значение, что делается во внешнем мире, когда внутри было так спокойно и хорошо. Оля представляла, как наступит вечер и они пойдут на пляж, как она войдет в ясное теплое море, ощущая его незыблемую мягкость.

Вдруг кто-то задел ее руку, Оля вздрогнула.

— Ведите себя прилично, — услышала она чей-то надрывный голос, и удивилась тому, что Максим поднялся с места, и тому, как дрожат его губы.

Один из парней дохнул из-за сиденья кислой спиртовой волной.

— Хватит материться в присутствии моей жены, — с ненавистью закричал на него Максим.

Оля с удивлением смотрела на него, она никогда еще не слышала, чтобы он так кричал, и только сильнее вжалась в кресло.

Кто-то из мужчин вступился за Максима, спереди заголосила пожилая женщина. Но Оля различала только странный чужой голос мужа. Наконец водитель остановился и пригрозил, что дальше не поедет. Парни затихли, и только изредка раздавался их сиплый недовольный шепот. Как-то сразу оборвалось все, слышно было только как, заводясь, фыркает, выплевывает газ маршрутка. Максим уселся рядом и, довольный обнимая Олю, сказал:

— Надо учить таких хорошим манерам.

От его прикосновения стало жарко. Оля отвернулась. Ей казалось, что она задыхается. Казалось, ее нарочно заперли в этом душном пространстве, и теперь никогда в жизни ей уже не выбраться на свободу. Она подумала, что совсем не знает своего мужа, и от этого ей стало тоскливо, будто она заглянула в глубокий колодец. Медленно, тяжело двигалось время, и постепенно она впала в долгое бессмысленное оцепенение.

В Ялту они приехали к вечеру. Маршрутка остановилась на обочине дороги рядом с пляжем. Максим торопился, потому что дотемна нужно было еще успеть найти подходящую комнату, но Оля не слышала его. У нее в ушах звенело, будто воздух вокруг дрожал, как оконное стекло. Они двинулись по дороге вдоль пляжа. Повсюду виднелись пестрые зонты, шезлонги, люди, беззаботно развалившиеся на берегу. Пахло шашлыком и гарью.

И тогда Оле стало жутко оттого, что она находится в

каком-то неизвестном городе, за сотни километров от дома, с чужим, почти неизвестным ей человеком. Она рассеянно глядела по сторонам и в полусонном состоянии двигалась за мужем. Будущая жизнь вдруг представилась ей огромным пустым пространством, таким же бесконечным, как раскинувшееся перед ней тревожное вечернее море.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Когда однажды я оказался в городе, где прошли мои студенческие годы, я вдруг особенно явно осознал, как изменился за это время. Прошло всего несколько лет с тех пор, как я окончил институт. Все осталось прежним и в студгородке, и в учебных корпусах: где-то шел ремонт, вдоль почерневших тропинок лежали длинные железные прутья. Но я-то был уже другим, и студенческая жизнь казалась мне теперь лишь забытым сном, отчего-то некстати всплывшем в памяти.

Я вошел в институтскую читалку, огромную комнату с ровными рядами столов, за которыми вразнобой сидели студенты, готовясь к занятиям, и пристроился на свободное место в углу. Мне нужно было провести здесь три-четыре часа до встречи со старым приятелем, жившим неподалеку, но заняться было нечем, и это бессильное бездействие, необходимость просто сидеть и ничего не делать тяготили меня.

Неожиданно кто-то окликнул меня, и я увидел перед собой девушку, лет восемнадцати, с веселым хвостиком собранных назад волос. Ее учебники были разложены на одном из передних рядов, но, заметив меня, она, видимо, подошла ближе и теперь неловко переминалась с ноги на ногу. Я вспомнил ее — она училась в моей школе, но гораздо младше, а год назад мы даже встречались с ней у моей бывшей учительницы, и я, кажется, рассказывал об институте и как лучше готовиться к вступительным экзаменам.

Я так долго и пристально смотрел в ее лицо, что девушка смутилась.

— Даша? — спросил я, наконец, и она торопливо закивала, радуясь, что я помню, как ее зовут.

Я заговорил с ней, и мне было приятно наблюдать, как она отвечает, немного смущаясь и морща лоб. Я спрашивал самые простые вещи: к какому предмету она сейчас готовится, как ей живется в общежитии, но в то же время был уверен, что все, о чем я спрашиваю, хорошо, и что мне не нужно волноваться, как она воспримет мои слова. Мне нравилось, что я старше, и потому все, что я делаю, выходит просто и одновременно весомо.

Даша же любые слова принимала всерьез. И, как де-

лают в таких случаях хорошие и внутренние тревожные девушки, сразу же стала рассказывать о себе так много, что могло показаться, что она говорит обо всем, о чем думает. И только внимательно присмотревшись, можно было понять, что эта открытость от неуверенности и сильного стеснения, будто в каждый момент она боялась совершить что-то предосудительное, а за словами пыталась спрятаться. Впрочем, мне показалось, что я смогу вывести ее из этого состояния, и мне стало легко с ней.

— Ну как, трудно учиться? — спросил я, лукаво улыбаясь, и мы рассмеялись, потому что оба знали ответ.

Мы пошли пить кофе в буфет, а потом я подсел к ней и стал помогать делать задание по математике, с удовольствием отмечая про себя, что еще что-то помню из программы первого курса. Иногда мы отвлекались, и тогда я рассказывал забавные случаи из студенческой жизни. Даша слушала меня и смеялась, а я чувствовал какое-то теплое расположение к ней, как если бы она была младшей сестрой моего лучшего друга. Наверно оттого, что мы родились в одном городе, и у нас оказалось много общих воспоминаний, а еще оттого, что я знал ее теперешнюю жизнь с бесконечной учебой, ночными посиделками в читалке общежития, тяжелыми сессиями. Да и просто приятно было смотреть в это миловидное лицо с трогательным прищуром.

Когда мы вышли на улицу, уже стемнело. В воздухе чувствовалась едва ощутимая радостная легкость, какая бывает, когда сделал все, что нужно, а у тебя есть еще лишние пятнадцать-двадцать минут. И ты можешь идти, сколь угодно медленно, чувствуя, как льются эти минуты, но тебе до них нет дела. Я уже думал о чем-то другом — о встрече со старым приятелем, который ждал меня сейчас, и о том, что мне нужно было с ним обсудить. Так хорошо и быстро прошли эти три часа, которые должны были оказаться скучными и тягостными.

Я вдохнул. Хотелось напоследок поговорить о чем-нибудь приятном.

— Зайдешь? — спросила вдруг Даша неожиданно слабым, срывающимся голосом.

Я повернулся к ней и удивился тому, что она вся словно уменьшилась.

— У меня есть пирожки, правда, позавчерашние...

Некоторое время мы еще шли молча. Ее обессиленная улыбка, этот дрожащий голос и распахнутые глаза, которыми она смотрела на меня, — все это было таким явным, что я удивился, как же мог не замечать этого раньше. Меня сковало боязливое желание не отвечать ничего или пошутить, но не касаться чужого чувства. Я все ждал, что она сейчас заговорит о чем-нибудь веселом, и тогда мы пойдем дальше, как ни в чем не бывало, но Даша все так же потеряно молчала, глядя под ноги. Мы уже приближались к перекрестку, где должны были попрощаться, а я чувствовал, что теперь уже нель-

зя просто сказать, что я тороплюсь или еще что-нибудь в этом роде, нельзя оставить ее одну с этим тоненьким «Зайдешь?»

— Ты в четвертом общежитии живешь? — спросил я раздраженно.

— Да, — тихо ответила она и опять опустила глаза.

Мы остановились, как бы завязнув в странном неловком молчании.

— Что ж, и чаем напоишь? — выговорил я вдруг едко, удивляясь своему неожиданно развязному тону.

Но она как будто не заметила моей грубости, торопливо закивала и слабенько улыбнулась. И эта ее навязчивая покорность вдруг так рассердила меня, что захотелось сделать что-нибудь злое, совсем уж грубое, и тогда я легонько приобнял ее, будто желая довести до предела, заставить хоть немного сопротивляться мне. Но Даша только сильнее оробела, и мы зашагали дальше, оба чувствуя неестественность этого ненужного обнимания. А уже через минуту я поспешно убрал руку с ее плеча, злясь уже не только на нее, но и на себя.

Прошли под фонарем, свернули на тропинку и двинулись между двумя огромными тополями прямо к крыльцу общежития.

— Помню, мы здесь натягивали канат и прыгали... дураки были, — заметил я небрежно.

— Да? Здорово! — оживилась она, сглатывая комок в горле.

Я украдкой взглянул на нее и заметил, как на мочке уха блеснула крошечная сережка. «Может, она влюблена в меня еще со школы», — подумал я то ли с досадой, то ли с удовольствием, и опять отвернулся.

В лифте ехали молча, чувствуя неловкую близость другого человека. Вышли на восьмом этаже. На площадке перед лифтом было по-обычному накурено и грязно — все как и несколько лет назад. Даша торопливо прошла вперед, звякнула ключом и распахнула передо мной дверь в комнату.

— Проходи.

Я с опаской шагнул в темноту, стараясь случайно не налететь на что-нибудь, но уже через секунду Даша включила свет, и я смог оглядеться. Внутри оказалось неожиданно уютно: в маленькой комнатке с двумя кроватями и большим платяным шкафом повсюду висели яркие картиночки, под потолком лениво перекачивались два огромных желтых шарика, а в пузатой трехлитровой банке на подоконнике стояли розы. Я ревниво взглянул на них, и мне отчего-то не понравились и эти цветы, и веселые шарики.

— Еще с восьмого марта осталось, — пояснила Даша легко и естественно, не думая. Шелкнула кнопкой электрического чайника, а потом торопливо принялась доставать из холодильника укутанный полотенцем поднос, но пирожки стали выскакивать из подноса, и тогда она от-

чаянно присела на корточки, чтобы те падали ей на колени, но они все равно скользили мимо. Я засмеялся ее неловкости, подбежал, начал помогать, а она вдруг тоже рассмеялась сама над собой. И мгновенно стало как-то спокойно, исчезла острота — мы снова стали равны, так что теперь я уже ни за что не решился бы приобнять ее.

Когда мы собрали пирожки, Даша принялась заваривать чай, а я медленно подошел к окну. Там, внизу, раскинулись знакомые мне здания, горевшие ровными рядами одинаковых окон. Моя старая жизнь текла за этими окнами, совсем не замечая меня и не останавливаясь ни на секунду оттого, что я уже не живу ею.

Я поглядывал на часы и ждал, что сейчас позвонит телефон, и я скажу Даше, что мне нужно идти. Мне не очень хотелось покидать эту теплую комнату, отказываться от чая и пирожков. Но в тоже время я знал, что вполне смогу справиться с этим необычным порывом.

В этот момент действительно раздался звонок. Я взял трубку и услышал на том конце знакомый виноватый голос. А потом с каждым словом моего старого друга мне становилось все веселее.

— Вот, моя встреча отменилась, и у меня теперь свободный вечер, — сказал я и понял, что мне приятно сообщить ей об этом.

— А ты? Ты так и не рассказал, чем занимаешься ты? — спрашивала Даша через полчаса, когда мы шли по освещенной редкими фонарями дорожке от студгородка в сторону дачного поселка. Это было лучшее место для прогулок в этой части города, и мы оба это знали, так что свернули сюда, даже не сговариваясь.

Даша говорила порывисто и много, ей как будто не жаль было расставаться со словами — они были важны для нее, но не сокровенны. Мысли выплескивались и исчезали. Мне было интересно и спокойно идти рядом, не столько вслушиваясь в то, что она говорила, сколько наблюдая за порывистыми движениями. Но сейчас я не знал, что ответить на ее неожиданный вопрос. Рассказывать про работу и вообще про свою жизнь я почему-то не мог. Ведь если бы я вдруг заговорил сейчас о чем-то серьезном, мне пришлось бы посмотреть на все ее теперешние мечты и надежды как бы сверху, вынести им свой взрослый и окончательный приговор, а я не хотел этого.

— Рисую иногда, — сказал я и увидел, как обрадовалась Даша, может, еще и оттого, что это как будто сближало нас с ней, с ее романтическими мечтами и надеждами. Но я сразу же перевел разговор на воспоминания о школе, не желая рассуждать о том, в чем не разбираюсь. И мы еще какое-то время беззаботно болтали об учителях и общих знакомых — тема, на которую можно было говорить вечно.

— Кажется, так давно это было, — сказала Даша взволнованно, а я по-доброму усмехнулся этим словам, потому что давно это было у меня, а не у нее.

Мы шли вперед, а дорожка становилась все уже. Где-то

совсем рядом, за маленькими одноэтажными домиками, загрохотала электричка — черный густой воздух вокруг задрожал от ее близкого движения. Дорожка заворачивала налево, к станции, а справа виднелись уродливые, но таинственные очертания незаконченной стройки. Я вспомнил, как раньше мы с друзьями часто забирались на нее и по юношеской глупости лазали по балкам.

— Знаешь, я всегда хотела сходить туда, — неожиданно сказала Даша, будто слыша мои мысли, — но почему-то откладывала... страшновато...

Я невольно улыбнулся этому совпадению и легкости, с которой я сейчас мог совершить любой, даже совсем несерьезный поступок.

— Так давай пойдём, — предложил, лукаво следя за ее реакцией, — не испугается ли, и заметил, как удивленно загорелись ее глаза:

— Сейчас, в темноте?

Я взял ее за руку и настойчиво потянул вперед. А Даша еще секунду машинально сопротивлялась, но потом уступила и доверчиво пошла рядом. Шагнули на траву, так что весенняя сырость пугливо захлопала под ногами. А когда вышли за бледный полукруг последнего фонаря, я подумал, что она сейчас очень хочет попросить вернуться, но отчаянно сдерживается, и довольно усмехнулся этой вероятной храбрости.

Подошли к зданию, юркнули в небольшой проем в стене. Я включил маленький фонарик на мобильном телефоне, но все равно двигался почти на ощупь, а потом оборачивался и помогал Даше пройти то или иное место. На лестнице стало легче, и только иногда еще путь преграждали большие тяжелые плиты.

Наконец поднялись на крышу и остановились в нескольких метрах от края. Там, внизу, виднелся студгородок, а от него в черный прогал леса уходила тоненькая цепочка железной дороги, чтобы потом, почти у самого горизонта, влиться в светящийся тысячами огней город. Вокруг было совершенно темно, а там, вдали, будто разгорался огромный костер. Я осторожно взглянул на Дашу — она почти не двигалась, иногда только глубоко вдыхая, будто желая вобрать в себя всю эту красоту.

— Как хорошо... — удивленно прошептала она, но не смела шагнуть ближе.

Несколько минут мы еще разглядывали открывшуюся картину, переговаривались, показывали друг другу что-то. Но потом вдруг замолчали, и тогда темнота надвинулась отовсюду, а мне почему-то стало тревожно оттого, что мы стоим здесь, отделенные от всего мира толщей черного воздуха. Будто и не существовало вокруг никаких людей, кроме нас. Даша тоже почувствовала что-то и осторожно, почти незаметно, дотронулась пальцами до рукава моей куртки. И тогда я на секунду испугался, точно ли смогу вывести ее отсюда, не случится ли чего-то непредвиденного в темноте.

Ходил сквозь нас злющий весенний ветер, и я понимал, что ей холодно и что я мог бы сейчас обнять ее, заслонив собой и от этого ветра, и от темноты, и мне так сладко стало от одной только мысли об этом. И хотя я понимал, что это даже не влюбленность, а только опьянение от возможной взаимности, мне так удивительно и приятно было, что вот сейчас вот так просто, от одного моего случайного движения, мы могли бы стать друг для друга особенными людьми. Но уже через минуту ко мне вернулось прежнее самообладание, и тогда я подумал, что ни за что на свете не совершу сейчас какого-нибудь глупого необдуманного поступка, который дал бы ей ненужную надежду. Потому что если я скажу сейчас что-то нежное или обниму ее, то будто тяжелая плита упадет на нас, и разом все станет сложным и неправильным.

— Кажется, ты замерзла, пойдём, — сказал я, стараясь, чтобы это получилось спокойно и хладнокровно.

Даша осторожно кивнула и как будто даже обрадовалась чему-то.

Потом мы стояли на платформе, прощаясь, а из темноты гулко приближалась электричка. Даша напряженно смотрела на меня, я осторожно пожимал ей руку. Она не спросила ни моего телефона, ни когда мы встретимся, будто все понимала. А я благодарен был ей за это самообладание и за то, что мы попрощались легко и весело. Но когда электричка тронулась, я вдруг представил, что она пойдет сейчас по тропинке от станции до общежития, в той же темноте, в которой мы стояли с ней, но теперь уже одна, и мне неожиданно стало тревожно за нее. Мимо пронеслись поля, дома, дороги, я смотрел в окно и с удивлением прислушивался к себе. Но тогда мне еще казалось, что это только рябь на поверхности души, вызванная ярким впечатлением, которая завтра пройдет сама собой.

И откуда же было мне в ту минуту знать, что теперь никогда уже не забыть мне этого сильного переживания другого человека рядом, сладкого замиранья от его чувства к тебе, тревоги за него. И уж никак не предвидеть мне было, что после этого случайного вечера моя жизнь уже не сможет остаться прежней... ■